

Мэтью Лайонс

Что такое фашизм?

свободное марксистское издательство

Перевод - Константин Харитонов, Кирилл Медведев

Редактура - Иван Аксенов, Даниил Пиунов

Обложка - Николай Олейников

Мэтью Лайонс - независимый историк, живет в Филадельфии, занимается изучением фашизма и его места в современном мире. Задача этого эссе – оспорить представление о том, что фашизм есть не более, чем инструмент подавления в руках капитализма. Такое представление не только искажает историю, но и мешает понять важнейшие политические угрозы современности. Более продуктивно рассматривать фашизм как автономную правую силу, которая находится в противоречивых отношениях с капиталом и обеспечивает себе массовую поддержку во многом благодаря призыва姆 к революции против существующих ценностей и институтов. Некоторые марксисты занимались теоретической разработкой такой контрмодели фашизма, но их работам, как правило, недостает систематического анализа фашистской идеологии. Другие теоретики, напротив, сосредотачиваются на тщательном изучении идеологии, но игнорируют классовую динамику и не рассматривает должным образом сегодняшнее положение и перспективы фашизма. Сочетание двух подходов позволяет нам выстроить более сложную модель фашизма.

Сайт Свободного марксистского издательства
fmbooks.wordpress.com

Два взгляда на фашизм

Фашизм – важное, но запутанное политическое понятие. Люди используют его в самых разных случаях, часто не до конца понимая значение этого слова.

Политические события после атак 11 сентября 2001 по-новому выясвили тему фашизма. И правые, и левые характеризовали исламистские крайне правые силы вроде Аль-Каиды и Талибана как фашистские – но по совершенно разным причинам. Неоконсерваторы и чиновники администрации Буша разоблачали «исламофашистов» с тем, чтобы оправдать так называемую войну с терроризмом и военную оккупацию Ирака и Афганистана. Некоторые левые тоже называли подобные группы фашистскими – но не для того, чтобы оправдать экспансию США, а для того, чтобы подчеркнуть: существуют мощные политические силы, являющиеся смертельными врагами как левых, так и американского империализма.

В то же время некоторые либералы и левые предупреждали, что и сами Соединенные Штаты движутся в направлении фашизма. Мне уже приходилось писать раньше о том, что авторитарная и милитаристская политика администрации Буша хотя и представляла собой серьезную угрозу, но крайне мало напоминала ту гремучую смесь угнетения и антиэлитарности, порядка и бунта, свойственную фашизму. Фашизм не только терроризирует и подавляет; он использует извращенную версию радикальной политики с целью «перехватить игру у левых», к чему и призывал своих сторонников неонацистский лидер Том Метцгер в 1980-х. Нам требуются разнообразные стратегии для борьбы с различными формами правого авторитаризма. Также нам необходим политический словарь, чтобы структурировать их [1].

Утверждения о надвигающемся фашизме указывают на две основные проблемы. Первая – это представление о том, что фашизм является инструментом или стратегией крупного бизнеса

для защиты капиталистического порядка. Вторая - это неясность самого понятия: чем фашизм отличается от других форм капиталистического угнетения? Обе эти проблемы четко видны в заявлениях нескольких американских левых организаций (таких как Коммунистическая партия, Социалистическая рабочая партия, Революционная коммунистическая партия и Социалистическая партия труда), публикациях в левых и леволиберальных СМИ, таких как CounterPunch и Common Dreams и на многочисленных веб-сайтах, а также в онлайн-дискуссиях между американскими активистами [2].

Обе проблемы были недавно в гипертроированном виде продемонстрированы двумя учеными-марксистами – Грегори Мейерсоном и Майклом Джозефом Роберто. В октябре 2006 года в статье в Monthly Review «Это может случиться здесь» они доказывали, что «фашизм - это вполне вероятный ответ со стороны буржуазии США на общий кризис Pax Americana» и, несмотря на то, что итоги кризиса пока остаются неясными, «очевидно движение в сторону того, что можно назвать фашистской траекторией». Мейерсон и Роберто рассматривают фашизм как присущую пребывающему в состоянии кризиса капитализму структурную тенденцию, форму правления, которая создается сверху. «Только правящий класс может инициировать развитие фашизма», - утверждают они. Оба марксиста признают существование фашистских движений, но утверждают, что «марксистский взгляд» «фокусируется в первую очередь не на фашистских массовых движениях, поскольку не они являются основным локомотивом фашизма» [3].

Допустим, мы принимаем такую концепцию фашизма (и марксизма), однако Мейерсон и Роберто нигде не объясняют, что именно они понимают под фашистским порядком. Они подчеркивают, что фашизм должен быть осмыслен с точки зрения его функциональности, как форма капиталистического порядка во время кризиса, и критикуют описательное определение фашизма на основании того, что оно затемняет его исторически меняющийся характер. Путь США к фашизму «будет значительно отличаться от прошлых фашистских траекторий», фашизм будет «разворачиваться при двухпартийной системе, в которой либералы и консерваторы действуют сообща, представляя весь правящий класс». Но если Мейерсон и Роберто не объясняют, на что будет похож фашизм, то как мы узнаем о его наступлении? Пожалуй, суть их аргументов заключается в том, что развивающийся

кризис приведет большое количество представителей капитала к мысли о необходимости создать значительно более репрессивное и авторитарное государство. Это серьезная и полностью обоснованная постановка вопроса. В то же время перед нами простая мысль, не требующая замысловатой аргументации касательно функционализма и структурных тенденций. И мы ничего не получим, назвав возможный результат такого развития событий фашизмом.

Понятие фашизма действительно крайне важно для анализа существующих политических угроз, но в совершенно ином плане. Оно может помочь нам осмыслить ряд политических явлений, которые правящий класс США не инициировал и не контролировал. Эти явления являются частью кризиса, имеющего более далеко идущие последствия, чем конец международной гегемонии США и американского социального государства, и включают в себя следующее:

- В Восточной Европе и Северной Азии: крушение социалистического блока, сопровождаемое во многих странах значительным упадком жизненных стандартов, масштабным ростом преступности и подъемом праворадикальных националистических движений.

- Во многих регионах Азии, Африки и Латинской Америки: власть ассимилирует или наносит поражение революционным левым повстанцам и правительству; происходит подъем различных популистских и религиозных оппозиционных сил.

- В большей части мира: усиление динамики капиталистической глобализации, в том числе утечка капитала, международная массовой миграции, коммодификация женского труда, рост интернациональной массовой культуры, исчезновение традиционных местных институтов. Все это вызывает неоднозначную, порой откровенно враждебную реакцию со стороны разных представителей политического спектра.

В этом хаосе фашизм является важным ориентиром не только как развивающаяся политическая сила, но и как тенденция или точка роста внутри широкого движения. Он отличается от капиталистического авторитаризма, формирующегося сверху, и враждебен ему. Кроме того, фашизм хоть и складывается в рамках капитализма, но не является функциональным следствием капиталистического развития, аналогичным (как предполагают Мейерсон и Роберто) империализму. Более того, он является политическим

течением, которое – подобно социализму, либерализму или консерватизму – реализует свои собственные идеи, политические установки, организационные формы, использует собственные ресурсы поддержки. Как и все основные политические течения, фашизм существует во множестве вариаций и динамично развивается, приспосабливаясь к новым историческим условиям. Это значит, что никакое определение фашизма не будет единственно верным и окончательным. Но выработка определения – или хотя бы описания – фашизма, может помочь нам выявить его ключевые черты, описать его отношения с другими силами, проанализировать то, как он развивается и как его можно победить.

В отличие от многих сегодняшних дискуссий среди левых активистов в Соединенных Штатах, это эссе предлагает концепцию фашизма, указывающую на его обоюдоострую направленность – с одной стороны, он укрепляет гнет и тиранию, с другой – отвечает на реальное недовольство масс, ниспровергает старые установки и формы правления. Разрабатывая такую концепцию, я объединил два разных, но взаимодополняющих подхода. Во-первых, я использовал то течение марксистской мысли, которое акцентирует внимание на противоречивых отношениях фашизма с правящим классом. В качестве движения или режима фашизм атакует левых и защищает классовую эксплуатацию, но одновременно с этим реализует программу, во многих важных пунктах противоречащую интересам капиталистов. Начиная с 1920-х, некоторые независимые марксисты анализировали фашизм именно таким образом; особое внимание я уделил работам Августа Тальгеймера, Тима Мэйсона, Михали Вайды, Дона Хаммерквиста и Дж. Сакай.

Сильное место этих авторов – анализ классовой политики фашизма: его отношений с капиталом и другими классовыми силами, его происхождения из кризиса капитализма и влияния на социоэкономический порядок. Их более слабое место – рассмотрение фашистской идеологии, которое важно для определения места фашизма в правом движении и для понимания причин, по которым люди – порой миллионы людей – втягиваются в фашистское движение. Для рассмотрения этих проблем я привлекаю работы Роджера Гриффина, исследователя, не разделяющего левых взглядов, но опубликовавшего за последние двадцать лет ряд передовых исследований фашистской идеологии. Гриффин рассматривает фашизм как форму революционного национализма, который атакует как левые, так и либерально-капиталистические ценности – этот подход во многом перекликается с наиболее

перспективными левыми исследованиями проблемы фашизма. Фокусируясь на идеологии, Гриффин игнорирует структурные измерения фашизма, но предлагает полезное дополнение к классовому анализу.

Данное эссе разделено на три части. В первой речь идет о нескольких независимых марксистах, анализировавших связь фашизма и капитализма, от « бонапартистской » теории Тальгеймера до концепций Хаммерквиста и Сакай, рассматривавших фашизм как праворадикальное революционное движение. Далее я исследую подход Гриффина, основанный на анализе идеологии, в особенности его видение фашизма как смеси популистского ультранационализма и мифа о коллективном возрождении. И наконец, я предлагаю набросок нового определения фашизма, объединяющий элементы обоих подходов, и показываю, каким образом это стереоскопическое видение может помочь нам понять фашистские движения и тенденции сегодня.

От бонапартизма к ультраправой революции

Многие марксисты рассматривают фашизм в качестве инструмента крупного бизнеса для защиты пребывающего в кризисе капитализма. Существовало несколько различных версий этого подхода. Во время так называемого третьего периода коммунистического движения, то есть в 1928 – 1935 годах, лидеры Коммунистического интернационала доказывали, что фашизм в действительности является не особым политическим движением, а контрреволюционной тенденцией внутри всех буржуазных партий. Это означало, что развивавшееся в Германии нацистское движение не представляет особой опасности. Поэтому для коммунистов важнее было бороться против Социал-демократической партии («социал-фашистов»), тем самым склоняя рабочих к революционной политике. Эта концепция помешала немецким коммунистам достигнуть альянса с социал-демократами против их общего нацистского врага – а такой альянс был тогда единственной возможностью спасти Германию от власти нацистов.

После прихода Гитлера к власти Коминтерн сменил курс. В декабре 1933 года Исполнительный комитет Коминтерна объявил, что «фашизм является открытой террористической диктатурой наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала»[4]. Этот

подход, идентифицировавший фашизм с особой группой внутри капиталистического класса, вскоре привел к новой стратегии Народного фронта, заключавшейся в широком антифашистском альянсе с социал-демократами и либеральными капиталистами. На практике это означало отход от революционной политики в пользу либерального реформизма. В течение следующих десятилетий коминтерновское определение 1933 года было принято радикалами различных взглядов и стало наиболее известным и влиятельным левым определением фашизма.

Лев Троцкий, в противовес Коминтерну, подчеркивал, что фашизм развивается как независимое массовое движение, опирающееся в первую очередь на мелкую буржуазию, грубый плебейский характер которой пугал крупных капиталистов. Тем не менее, утверждал Троцкий, основной целью фашизма является уничтожение рабочих организаций в угоду капитализму. Оказавшись у власти, фашизм потерял массовую поддержку и стал «наиболее жестокой диктатурой монополистического капитала»[5]. Некоторые левые вслед за Троцким различали фашизм как движение и фашизм как режим. Например, канадский марксист Дэвид Лэдбридж поддерживал определение Коминтерна, но признавал, что на начальной стадии фашисты порицали крупный бизнес и порой нарушили политическую стабильность методами, неприемлемыми для правящего класса. Но, полагает он, фашизм в итоге сдал позиции, отказавшись от радикализма, «как только начал финансироваться крупными группами внутри правящего класса»[6].

Все эти подходы значительно упрощают сложные взаимоотношения фашизма с капитализмом. Несомненно, как для итальянских, так и для немецких фашистов решающим фактором в захвате государственной власти стала поддержка со стороны сегментов бизнес-сообщества, армии и государственного аппарата. Закрепившиеся у власти фашистские режимы помогли капиталистам увеличить прибыль, подавив левых, сокрушив рабочее движение и, в первую очередь, стабилизировав экономику и общество. Как муссолиниевское, так и гитлеровское правительства на первых порах включали в себя некоторых консерваторов-традиционалистов на правах младших товарищей, а некоторые секторы, такие как армия, контролировались старыми элитами. «Радикальные» крылья фашистского движения, желавшие бросить открытый вызов старым элитам, оказались либо разочарованы, как в Италии, либо усмирены, как в Германии.

Однако в то время как фашистские режимы консолидировались, класс капиталистов постепенно терял политический контроль: он все в меньшей степени определял основное направление государственной политики. Фашизм образовал новую политическую элиту, которая выдвинула свою собственную идеологическую программу. В то время как капиталисты оставались важным компонентом в общей системе управления, их роль в национальной политике стремительно сводилась к чисто реактивной, они вынуждены были подстраиваться под фашистскую программу, а не наоборот.

Существенный аргумент в пользу этой точки зрения был приведен британским историком-марксистом Тимоти Мэйсоном, специалистом по истории рабочего класса в нацистскую эпоху. В своем эссе 1966 года «Приоритет политики» Мэйсон утверждает: «как внутренняя, так и внешняя политика национал-социалистического правительства становилась начиная с 1936 года все более независимой от экономически господствующего класса и даже в некоторых существенных аспектах шла в разрез с его интересами»[7].

С точки зрения Мэйсона, представители капитала передали государственную власть Гитлеру, ошибочно полагая, что смогут вернуть ее после того, как нацисты сокрушают левых и вновь стабилизируют гражданское общество. В течение первых месяцев правления нацистов бизнес-элиты хоть и играли лишь незначительную роль в формировании внешней и военной политики, но продолжали контролировать экономическую политику через Ялмара Шахта, министра экономики и президента Рейхсбанка. Однако начиная с 1936 года нацисты начинают форсировать перевооружение и требуют для Германии экономической независимости. Хозяева тяжелой промышленности, доминировавшие ранее в бизнес-сообществе и являвшиеся верными союзниками нацистов, выступили против этого шага к экономической изоляции, поскольку сами рассчитывали на международную торговлю. Вместо них влияния добился химический трест IG Farben, пообещав обеспечить синтетическую замену стратегически важным импортным товарам (в первую очередь, нефти и резине), тем самым посодействовав целям нацистов. Этот шаг не только «разрушил экономическое и политическое доминирование тяжелой промышленности», он также «означал конец формирования какой-либо общей и единой политической воли или представительства интересов германского капитала... остались лишь

особые интересы отдельных фирм в большей части отраслей экономики»[8]. Каждая крупная фирма искала собственных связей с государственными учреждениями с целью выиграть контракт, но крупный бизнес потерял свой голос в формировании общей политики.

Мэйсон признает, что благодаря процессу перевооружения и военным победам Германии капиталисты получили выгоду в виде расширения и роста прибылей, а также разгрома иностранных конкурентов. Но основное направление нацистской военной политики было обусловлено политическими, а не экономическими задачами. Война помогла снизить экономический дефицит, но сам этот дефицит был прямым результатом форсированного процесса перевооружения.

В этом контексте Мэйсон придает особое значение тому, что нацистское государство преследовало идеологические цели – геноцид и массовое порабощение евреев и других народов, что находилось «в полном противоречии с интересами военной экономики»:

Среди первых польских евреев, отправленных газами в лагеря смерти, были тысячи высококвалифицированных рабочих-металлистов с польских военных фабрик... Армия подчеркивала иррациональную природу этих действий в свете нехватки квалифицированной рабочей силы, но была не в состоянии спасти еврейских рабочих, трудившихся на военных заводах, для промышленности... Подобные же внутренниественные отношения определяли использование скучной железнодорожной индустрии для депортации подвергшихся гонениям евреев вплоть до конца войны вместо снабжения войск на Восточном фронте»[9].

Сходным образом нацистское руководство приняло решение ввезти миллионы пленных рабочих из Восточной Европы для нужд военной экономики – вместо того, чтобы призвать на промышленные работы немецких женщин, хотя чиновники, отвечающие за использование рабочей силы, предупреждали, что принудительный труд непродуктивен, ненадежен и «расово опасен» для немецкого народа.

Эссе Мэйсона было воспринято положительно, но с рядом оговорок. Ян Кершоу, проштудировав работы авторов, занимавшихся этой темой на протяжении двух десятилетий, поддержал основную линию аргументации Мэйсона, но кроме того указал, что

Мэйсон слишком жестко разделяет политику и экономику и преувеличивает степень утраты промышленниками политического влияния при нацистах. Джейн Каплан предложила использовать вместо понятия «приоритет политики» понятие «автономии», не подразумевающее приоритета политики над экономикой [10].

Мэйсон утверждает, что отношения нацистского государства с капиталистами были «уникальными». Но динамика итальянского фашизма была, в сущности, почти такой же. Франклайн Хью Адлер, историк, не придерживающийся левых взглядов, в одном из нескольких своих исследований об отношениях итальянского фашизма и крупного бизнеса описывает, как режим Муссолини помогал промышленникам усиливать эксплуатацию и контроль на рабочем месте – с одной стороны, разрушая организации рабочего класса, с другой – отодвигая в сторону синдикалистское крыло самого фашистского движения. В то же время фашистское государство реализовало целый ряд политических решений, не инициированных промышленниками и нежелательных для них, – от завышения обменного курса лиры до внедрения корпоративистской бюрократии в экономику, от призывов к итальянцам переезжать в сельскую местность и заводить побольше детей до союза с Гитлером против Британии и Франции. Адлер обобщает эту динамику таким образом:

Несмотря на то, что на уровне фабрик была сохранена абсолютная власть администрации и Конфиндустря [конфедерация итальянских промышленников] получила значительную власть в экономической политике, тем не менее экономическое управление становилось все более политическим и иррациональным... На уровне публичной политики, как внешней, так и внутренней, Конфиндустря если и проявляла инициативу, то минимальную. Ассоциация могла в лучшем случае выторговывать некоторые преференции для промышленности в ситуации, когда фундаментальные решения уже были приняты; она скорее реагировала, нежели действовала» [11].

Адлер приходит к выводу, что под властью итальянских фашистов капиталисты имели больше политической власти, нежели под властью германского нацизма. Но в обоих случаях они постепенно теряли контроль над основным направлением политики правительства.

Хотя Мэйсон не предлагает какой-либо теоретической схемы, объясняющей «приоритет политики» при нацистах, его анализ во многом перекликается с бонапартистской теорией фашизма, впервые выдвинутой Августом Тальгеймером в конце 1920-х – начале 1930-х. Тальгеймер был ведущим теоретиком Коммунистической партии Германии, исключенным в 1928 за возражения против политики Третьего периода и участвовавшим в создании Коммунистической партии (Оппозиции) – КПО. Тальгеймер отвергал кампанию Коминтерна против «социал-фашизма», призывая взамен к противостоянию всего рабочего класса нацистам путем внепарламентского действия.

Согласно Тальгеймеру, анализ диктатуры Луи Бонапарта во Франции середины девятнадцатого века, проведенный Марксом, дает наилучшую стартовую площадку для понимания фашизма. Фашистская диктатура, как и диктатура Луи Бонапарта, представляет «автономизацию исполнительной власти» – класс капиталистов отказывается от контроля над государством ради защиты своего социально-экономического статуса. Тальгеймер цитирует отрывок из работы Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», в которой описывается это явление:

...буржуазия признает, что ее собственные интересы предписывают ей спастись от опасности собственного правления; что для восстановления спокойствия в стране надо прежде всего успокоить ее буржуазный парламент; что для сохранения в целости ее социальной власти должна быть сломлена ее политическая власть; что отдельные буржуа могут продолжать эксплуатировать другие классы и невозмутимо наслаждаться благами собственности, семьи, религии и порядка лишь при условии, что буржуазия как класс, наряду с другими классами, будет осуждена на одинаковое с ними политическое ничтожество, что для спасения ее кошелька с нее должна быть сорвана корона, а защищающий ее меч должен вместе с тем, как дамоклов меч, повиснуть над ее собственной головой [12].

Подобно бонапартизму, утверждает Тальгеймер, фашизм пришел к власти после «неудачного наступления пролетариата, которое закончилось деморализацией рабочего класса, в то время как буржуазия, истощенная, растерянная и подавленная, искала того, кто мог бы защитить ее социальную власть» [13]. Эта трактовка гораздо более корректна, нежели политическая линия Коминтерна третьего периода, согласно которой фашизм был отчаянной

попыткой капитализма защититься от надвигающейся угрозы пролетарской революции. Если, согласно Коминтерну, фашизм пришел к власти в результате естественной эволюции буржуазного парламентаризма, то согласно Тальгеймеру, это произошло в результате «внезапного скачка». Парламентский режим помог заложить основу для фашизма собственными репрессиями против рабочих организаций, но сам фашизм «лишь начинается в тот момент и в том месте, где штык обретает независимость и поворачивается в том числе против буржуазных парламентариев» [14].

Тальгеймер рассматривал фашистскую партию, уподобляя ее Обществу 10 декабря Луи Бонапарта, как совокупность «лишенных социальной почвы представителей всех классов: аристократии, буржуазии, городской мелкой буржуазии, крестьянства, рабочих», а фашистские вооруженные формирования сравнивал с бонапартистской армией, поскольку они также «обеспечивали источник существования людям, потерявшим социальную почву». Фашистская идеология вторила бонапартизму в своем национализме, риторическом осуждении экономических и политических элит, превознесении героического вождя. Подобно тому, как организация Бонапарта воспроизводила тайные общества французского рабочего класса, фашистская партия воспроизводила Коммунистическую партию Советского Союза. Как массовая организация, фашистская партия была в ряде моментов сильнее, чем организация Бонапарта, но это также углубляло ее внутренние противоречия – противоречия «между социальными интересами поддерживавших ее масс и интересами господствующего класса, которому она должна была служить» [15].

Тальгеймер рассматривает фашистский режим как внутренне нестабильный, стремившийся одновременно в разные стороны. «Фашизм, как и бонапартизм, пытается быть покровителем всех классов; поэтому он непрерывно настраивает один класс против другого, и пускается в противоречивые маневры». Тальгеймер предсказывал, что противоречивые политические запросы разных групп поддержки «вкупе с националистической империалистической идеологией подтолкнут диктатора к внешней агрессии, а в итоге к войне», что закончится крахом фашизма [16].

В рассуждениях Тальгеймера просматривается лишь схематический анализ фашизма. Он дает краткие, общие комментарии по поводу фашистской идеологии, организации и социальной базы; динамики отношений между фашизмом и капитализмом; исторического контекста, способствовавшего подъему фашизма.

Тальгеймера критиковали за механистическое применение концепции бонапартизма. Но учитывая, насколько оперативно он опубликовал свои работы – всего через несколько месяцев после оформления диктатуры Муссолини и еще до того, как нацисты захватили власть, – можно только дивиться, насколько верно он очертил дальнейшее развитие фашистских режимов.

Работа Тальгеймера оказала влияние на ряд позднейших исследований. Джейн Каплан, например, следуя Тальгеймеру, переформулировала тезис о присущей фашизму нестабильности:

Фашизм является крайней из существовавших на сегодняшний день форм капиталистического государства особого типа: внутреннее противоречие такого государства в том, что оно в структурном смысле основано на принуждении. Контроль за извлечением прибавочной стоимости смещается из сферы труда в политическую сферу вкупе с крайним усиливением роли государства. Фашистский режим является предельной формой автономизации политики при капитализме. Он является продуктом колossalного смещения капиталистического способа производства и ... едва ли способен к продолжительному существованию из-за очевидного изобилия противоречий... При национал-социализме, например, фундаментальная противоречивость роли государства состояла, среди прочего, в тенденции к абсолютной автономизации политической полиции, что имело разрушительные последствия для производственного процесса [17].

Венгерский философ-марксист Михай Вайда включает бонапартистский подход в общую теорию фашизма в своей книге «Фашизм как массовое движение», которая была написана в 1969-1970 и впервые опубликована в 1976 году. Вайда был участником «Будапештской школы», группы интеллектуалов круга Георга Лукача, члены которой становились все более критичными в отношении ортодоксального советского марксизма, особенно после подавления Пражской весны войсками стран Варшавского договора в 1968 году. В 1973 году Вайда и некоторые другие представители Будапештской школы были сняты с академических должностей и исключены из Венгерской рабочей (коммунистической) партии за свои политические убеждения.

Вайда вслед за Тальгеймером и Мэйсоном доказывает, что фашизм является «капиталистической формой правления», при которой «буржуазия не осуществляет политическую власть сама»,

и «не имеет голоса в политической верхушке» [18]. Согласно Вайде, фашизм, как правило, «николько не ограничивает экономическую власть буржуазии внутри фабрики. Он не препятствует ее экономическим интересам и даже помогает ей увеличивать прибыль». С другой стороны, фашизм порождает «особые политические условия, создает на месте обычной буржуазной жизни ситуацию постоянного напряжения, и буржуазия находит это как минимум «некомфортным»». Кроме того, фашизм «в некоторых случаях открыто противоречил интересам правящего класса», особенно это касается Второй мировой войны. Выводы Вайды относительно динамики перевооружения нацистской Германии и войны очень близки к выводам Мэйсона. По поводу Италии Вайда пишет, что «если бы Муссолини не связал полностью свою судьбу с Гитлером, ни одна из его политических задач не ставилась бы поперек собственных интересов буржуазии, как бы ни развивалась ситуация». Но союз Муссолини с Гитлером, как и само стремление нацистов к войне, отразил внутреннюю склонность фашизма к агрессивной экспансии [19].

Не ограничиваясь бонапартистской теoriей, Вайде исследует ряд других аспектов, таких как социальная психология фашизма и его противоречивые исторические функции в Италии и Германии. Как можно догадаться из названия книги Вайды, он делает акцент на том, что фашистский режим приходит к власти на волне массового движения, которое обеспечивает ему организованную народную поддержку и ресурс для создания «новых элит». Ядро фашистского движения составляют боевые организации, в том числе различные группы штурмовиков, чей военизованный активизм выходит на первый план при захвате фашистами власти. Такой акцент на военизованных формированиях хотя и полезен для понимания итальянского и германского образцов, едва ли подходит для всех фашистских движений.

Вайде также утверждает, что фашизм имеет особую идеологию: это форма агрессивного, тоталитарного национализма. Внутри национального государства эта доктрина подчиняет «любое отличие «тотальному» «естественно-органическому» целому, «нацией»; вовне она распространяет идею национального подъема «даже ценой самого существования других наций». Фашистская идеология отрицает буржуазную демократию и либерализм (который подразумевает приоритет интересов отдельных групп над общенациональными) и отвергает принцип равенства людей – во имя национального шовинизма или расизма. Но фашистская

идеология не бросает вызов частной собственности; поэтому ее видение национального единства «не является отрицанием основ и структуры существующего классового общества» и «представляет собой иллюзорное преодоление партикулярности» [20].

Вайда доказывает, что «возрождение» «нации» ... является единственным постоянным элементом в самых разнообразных [фашистских] программах, которые в других отношениях могут различаться весьма радикальным образом». Национализм и расизм «дает фашизму возможность избегать конфликта между конкретными интересами поддерживающих его масс, представителем которых он является, и основными принципами существующей социальной системы» [21].

Исследование Вайды проясняет сущность фашистской идеологии и предвосхищает некоторые тезисы более проработанной теории, выдвинутой Роджером Гриффином. Определенная расплывчатость в формулировках Вайды не позволяет в рамках его теории отличить фашистскую идеологию от других форм правого национализма и принять во внимание тот факт, что некоторые фашистские движения, например, румынская Железная гвардия, не были экспансионистскими. Кроме того, как будет показано ниже, некоторые фашистские идеологии вообще не фокусируются на национализме.

Тальгеймер, Мэйсон и Вайда писали о фашизме 1920-1940-х. В книге 2002 года «Против фашизма: Документы дискуссии о милитаристическом движении» современный фашизм рассматривается наравне с «классическим» - в ней идет речь не только о Гитлере и Муссолини, но и о Всемирной церкви создателя и Александре Дугине, об израильских поселенцах Западного берега и о Талибане. Как отмечается в предисловии, написанном Xtn (в то время участником Chicago Anti-Racist Action), книга родилась из дискуссий в кругах антифашистов и революционных левых (как марксистов, так и анархистов) о соотношении между борьбой с фашизмом и борьбой с капиталистическим государством. Книга была издана вскоре после атак 11 сентября, вызвавших новую волну государственных репрессий, активизацию расизма, и вскрыла тот факт, что среди наиболее воинственных противников американской власти много представителей крайне правых [22].

Центральной частью книги «Против фашизма» является эссе Дона Хаммерквиста, некогда члена Sojourner Truth Organization, а также пространный ответ Дж. Сакай, маоиста, известного прежде

всего книгой «Поселенцы: мифология белого пролетариата». Хаммерквист и Сакай – независимые марксисты, работавшие с анархо-антифашистским движением и находящиеся под влиянием антиавторитарной критики догматического марксизма. Как и Тальгеймер, Мэйсон и Вайда, они подчеркивают, что фашизм является независимым политическим движением, а не марионеткой и не политическим орудием капитализма. Более того, Хаммерквист и Сакай представляют фашизм как правую революционную силу. По словам Сакай, «фашизм – это правое революционное движение как против буржуазии, так и против левых, движение среднего класса и деклассированных элементов, возникающее в зонах затяжного кризиса». Оно не является революционным в социалистическом или анархистском смысле: «Фашизм является революционным в упрощенном смысле этого слова. Он ставит задачу захватить государственную власть... с целью насильственной реорганизации общества и создания нового классового порядка» [23].

По мнению Хаммерквиста и Сакай, большинство левых серьезно недооценивают потенциал фашизма в привлечении массовой поддержки в США и во всем мире. Обостряющиеся противоречия капитализма, указывают авторы, создают все больше возможностей для возрождения фашистских движений. Фашизм — это вовсе не отмерший пережиток прошлого, а динамичная политическая сила, состоящая из разных фракций и тенденций, эволюционирующая согласно изменяющимся условиям. Фашистские группы пытаются враждебностью общества к крупному бизнесу и капиталистическому государству, а некоторые из них участвуют в оппозиционной борьбе, выглядящей более серьезно и уверенно, нежели деятельность большинства сегодняшних левых групп. (Хаммерквист много цитирует фашистов «третьей позиции», заявляющих о своем отрицании как левых, так и правых, но его аргументы не ограничиваются этими группами). Главная опасность фашизма сегодня, считает Хаммерквист, состоит не в его способности захватить власть, а в том, что он «может получить массовую поддержку среди потенциально готовых к бунту рабочих и деклассированных слоев в результате исторического поражения левых», что нанесет «огромный ущерб потенциальному освободительному антикапиталистического восстания» [24].

Связанная с этим опасность, которую отмечает Хаммерквист, состоит в сближении между фашистами и некоторыми радикальными левыми. Он отмечает попытки ультраправых групп

заигрывать с левыми, а также тенденции, угрожающие близкие к фашизму, среди многих левых: мужское доминирование, прославление насилия, культ лидера, враждебность к открытым дебатам и дискуссиям, элитизм. Хаммерквист отмечает, что немецкие коммунисты в начале 1930-х годов порой заключали тактические альянсы с нацистами против социал-демократов, так как считали социал-демократов большей опасностью.

Хаммерквист предупреждает, что фашистские группы в США активно муссируют темы, которые левые обычно считают «своими»: рабочая борьба, экология, противостояние полицейским репрессиям, империализм США, корпоративная глобализация. В таком фашистском популизме нет ничего нового. Как отмечает Сакай, Муссолини и Гитлер пробуждали энергию масс в большой степени благодаря нападкам на элиты и призывам бороться с буржуазией, и это казалось гораздо более захватывающим и динамичным, нежели традиционная левая политика. «Значительная часть немецкой молодежи в 1930-е годы рассматривала нацистов как освободителей. В отличие, например, от немецкой социал-демократии, которая проповедовала покорность детей перед родителями, Гитлерюгенд давал бунтующим детям возможность жить отдельно, вести активную сексуальную и политическую жизнь, курить, пить и объединяться с себе подобными»[25].

С разных позиций Хаммерквист и Сакай доказывают, что именно радикальные свойства фашизма обуславливают его отношения с капитализмом. Позиция Сакай ближе к бонапартистской модели: он описывает фашизм как «антибуржуазную, но не антикапиталистическую» силу. При фашистском режиме «капитализм вновь стабилизируется, но буржуазия расплачивается за это временным отстранением от власти в капиталистическом государстве». Впрочем, для Сакай это более серьезный конфликт, нежели для теоретиков бонапартистской модели. Современный фашизм «противостоит крупной империалистической буржуазии... транснациональным корпорациям и банкам, их захватившей весь мир «мультикультурной» буржуазной культуре. Фашизм действительно стремится свергнуть Всемирный банк, ВТО и НАТО, Америку как сверхдержаву»[26].

Согласно Сакай, фашизм радикально перестраивает капиталистический социальный порядок для создания экономики «усиленного паразитизма», то есть «люмпен-капиталистической экономики, сконцентрированной скорее на разбое, войне, грабеже и порабощении». Он описывает, как гитлеровский режим

превратил миллионы немецких рабочих в новый паразитический класс солдат, полицейских и бюрократов, а вместо прежнего пролетариата создал новый – из порабощенных иноземных народов, пенсионеров и женщин. В результате было «создано арийское общество, никогда прежде не существовавшее», нацистские расовые категории оказались облечены в конкретную, качественно новую социальную реальность (впрочем, походившую на «американское» общество США в разделении людей по цвету кожи) [27].

Исследование Сакай развеивает представление о том, что гитлеровский режим имел незначительное, а то и нулевое влияние на социально-экономический порядок. Мы должны помнить, однако, что в этой дискуссии нет речи об итальянском фашизме, который был лишен всеобъемлющего расистского императива, свойственного нацизму, и никогда не сосредоточивал в своих руках такого же мощного контроля над государством. Его влияние на социально-экономический порядок был гораздо более ограниченным.

Хаммерквист относится к фашистскому антикапитализму более серьезно, чем Сакай. Он отмечает, что в современных фашистских движениях бытуют разные позиции по отношению к классу капиталистов: есть оппортунисты, желающие заключить сделку с капиталом, есть прокапиталистически настроенные революционеры, желающие вынудить крупный бизнес к примирению с фашистским порядком, есть сторонники третьей позиции, желающие полного свержения правящего класса. Неясно, насколько серьезный вызов экономической власти капиталистов смогут бросить на практике какие-либо фашистские группы. Опыт показывает, что фашистский антикапитализм означает оппозицию «буржуазным ценностям», отдельным политическим тенденциям, а также «паразитическим» представителям капитала (таким как еврейские банкиры) – но не самой капиталистической системе. С другой стороны, предупреждает Хаммерквист, левые рискуют не обратить внимание на перспективы боевого антикапиталистического фашизма – по той простой причине, что он не соответствует нашим предубеждениям.

Концепция фашистского антикапитализма Хаммерквиста отчасти основана на его же представлении (восходящем, в свою очередь, к немецкому левому коммунисту Альфреду Зон-Ретелю) о том, что немецкий нацизм стремился к «новому «транскапиталистическому» эксплуататорскому социальному порядку». В частности, Хаммерквист указывал, что геноцидальная рабочая

политика германского фашизма расходится с капиталистическими принципами. Не только рабочая сила, но и сами рабочие «использовались в процессе производства как сырье и недвижимый капитал», тем самым стиралось «отчетливо капиталистическое различие между рабочей силой и другими факторами производства». Он оговаривается, что «нормальное» капиталистическое развитие включает геноцид, направленный «против докапиталистического населения и против социальных групп, которые мешают созданию современного рабочего класса». Немецкая же политика, напротив, «заключалась в геноцидальном уничтожении уже развившихся отрядов европейского рабочего класса» - то есть, в импортировании «колониального» массового уничтожения в центр индустриальной Европы [28].

Это не обязательно означает, что нацизм двигался к уничтожению капиталистической системы. Политика в сфере труда, которую описывает Хаммерквист, не ставила под вопрос экономическую власть крупного бизнеса, и, вероятно, не смогла бы просуществовать долго. Сам факт ее нежизнеспособности – важный аспект проблемы. Как напоминает нам Хаммерквист, Маркс предупреждал, что противоречия капитализма могут разрешиться не социалистической революцией, а «варварством», «взаимоуничтожением борющихся классов». Фашистская революция, возможно, одна из версий подобного сценария [29].

Здесь мы должны вспомнить тезис Тальгеймера и Каплан о том, что противоречивое отношение к предпринимателям со стороны фашистского государства, защищающего их экономическую власть, но проводящего политику, в конечном счете вступающую в противоречие с rationalностью капиталистической экономики, – является в основе своей нестабильным. В теории этот конфликт мог бы быть разрешен несколькими путями: (1) крах или свержение фашистского режима (как это случилось в Германии и Италии), (2) трансформация фашистского порядка в более традиционный прокапиталистический режим, (3) та или иная форма свержения фашизмом экономической власти капиталистов. Последний вариант представить сложнее, но и его нельзя списывать со счетов и считать фантастикой. Такой ход событий хоть и не отменил бы экономическую эксплуатацию, но придал бы ей качественно иной вид, как предполагает Хаммерквист в исследовании трудовой политики нацистов.

Сакай и Хаммерквист также расходятся в вопросе о классовой основе фашизма. Как и многие его предшественники, Сакай

связывает фашизм со средним классом и деклассированными слоями, теряющими почву из-за стремительных социальных и экономических изменений – историческими неудачниками, не-навидящими крупную буржуазию и желающими вернуть утраченные привилегии. Сакай обнаруживает такую динамику у немцев, которые объединились вокруг Гитлера во время Депрессии, Тимоти МакВей же указывает на американцев, которые обращаются к неонацизму в результате крушения старой социальной системы США, а также на мусульманских лавочников и безработных выпускников колледжа, которые, оказавшись жертвами глобализации, становятся опорой пан-исламистских правых. «Возрастающему числу людей, не имеющих корней, выпавших или вырванных из производственных классов – не важно, были ли они крестьянами или служащими – [фашизм] предлагает не просто рабочие места, но обещание расплаты. Он обещает землю настоящих людей, где они, а не буржуи, будут раздавать приказы, наставив дуло, и жить чужим трудом [!]» [30].

Эти интересные рассуждения страдают некоторой упрощенностью. Динамика, описываемая Сакай, демонстрирует один из аспектов привлекательности фашизма, и данные показывают, что средние классы и отряды безработных массовым образом поддерживали фашизм в межвоенный период. Но было бы серьезным преувеличением называть фашизм движением исторических неудачников. Перед Второй мировой войной фашизм привлекал не только деградирующие и лишенные почвы средние классы, например, мелких лавочников, но и группы, составлявшие основу новой корпоративной экономики (белые воротнички и кадровые служащие). Фашизм критиковал упадок современности, но в то же время включал в себя многие аспекты модерна. Например, как указывает Дэвид Роберт, итальянский фашизм обращался к мелкобуржуазным активистам как к двигателю национальной интеграции, политических реформ и широкомасштабного индустриального развития. [31].

Более того, как отмечает Джофф Или, зависимость немецкого нацизма от конкретного социального класса была не настолько удивительна, как его способность «расширять свою социальную базу в нескольких различных направлениях», создавать «широкую коалицию подчиненных классов», «не имеющую precedентов в политической системе Германии». В отличие от социал-демократов и коммунистов, которые продолжали концентрироваться на индустриальном рабочем классе, нацисты (и в меньшей степени

итальянские фашисты) объединили «до тех пор раздробленную группу недовольных общей популистской риторикой» [32].

Хаммерквист не развивает свою мысль о том, что милитаристский фашизм может создать себе широкую социальную базу в среде бунтующего рабочего класса (в чем сомневается Сакай). Хотя само понятие рабочего класса остается предметом обсуждения, факт в том, что некоторые фашистские движения в 1930-е годы смогли привлечь на свою сторону значительное количество рабочих. Это такие организации, как «Скрещенные стрелы» в Венгрии и «Движение за социальную справедливость» отца Кофлина в США. В 1930-1933 годах рабочие составляли около 30 процентов членов немецкой нацистской партии и большинство внутри СА (штурмовиков), нацистского военизированного крыла [33].

Расходясь в вопросе о классовой базе фашизма, Хаммерквист и Сакай сходятся в том, что необходимо переосмыслить старые левакские представления о расовой политике фашизма. Как пишет Хаммерквист, «нет причин рассматривать фашизм как явление, свойственное исключительно белым только потому, что есть сторонники превосходства белой расы. Наоборот, есть все основания считать, что потенциал для развития фашизма существует в любой точке глобальной капиталистической системы. Могут возникнуть африканские, азиатские и латиноамериканские фашистские организации – независимо, а до некоторой степени и в соперничестве с евроамериканским «белым» фашизмом» [34]. К этому надо добавить, что некоторые белые фашисты поддерживают антиимпериализм Третьего мира или даже отказываются от идеи расового превосходства, а некоторые налаживают связи с социал-консервативными черными организациями, такими как «Нация ислама».

Сакай отмечает, что массовые перемещения чернокожих рабочих в последние десятилетия, а также поражение левого черного национализма 1960-х годов вызвали беспрецедентный рост авторитарных правых организаций в черном сообществе. Сакай также считает, что основным пространством роста фашизма сегодня является Третий мир, где «панисламистский фашизм» и связанные с ним движения во многом заменили левых как основную антиимпериалистическую оппозиционную силу.

К сожалению, Сакай и Хаммерквист обходят стороной вопрос о том, каково отношение фашизма к женщинам, отмечает Xtn во введении к сборнику «Против фашизма». Сакай утверждает, что

фашизм – это в основном мужское движение как по составу, так и по мировоззрению. Фашистские движения, пишет Xtn, укрепляют патриархат, но всегда полагаются на массовую поддержку как женщин, так и мужчин. Как я уже говорил, во всех фашистских движениях имеет место мужское господство, но порой они включают в себя некоторые теории, связанные с женским и гендерным вопросом, как традиционалистские, так и антитрадиционалистские, а иногда и искаженные версии феминизма. Фашизм позволяет привлечь значительное количество женщин в качестве активных участников, в основном предлагая им особые выгоды и возможности – в образовании, в молодежных группах, в спорте, на волонтерской работе, на некоторых оплачиваемых должностях – даже если это усиливает и централизует мужское господство [35].

Хаммерквист и Сакай предлагают более полную, более живую картину фашизма, чем их предшественники, которых мы рассматривали. На мой взгляд, размышления этих двух авторов о сегодняшних фашистских течениях подчеркивают актуальность проблемы, и их акцент на радикальном аспекте фашизма помогает объяснить его воздействие в гораздо большей степени, нежели бонапартистская теория. В то же время, они не всегда ясно показывают ни то, какие движения считаются фашистскими (и почему), ни взаимоотношения фашизма с другими правыми силами. Их рассуждения об идеологии фашизма фрагментарны и порой расплывчаты. Для более полного и систематического изучения этих вопросов я перехожу к исследованиям вне марксистской традиции.

Миф о национальном возрождении

Британский историк Роджер Гриффин стал ведущей фигурой в академическом поле фашистских исследований после того, как в 1991 году была опубликована его книга «Природа фашизма». В этой и других работах Гриффин привлекает широкий корпус исторического материала, выстраивая инновационную теорию фашизма. Он называет себя либералом, чьи посылки, фокус и методы резко контрастируют с подходами авторов-марксистов, о которых я говорил выше. Тем более удивительна взаимодополняемость их анализов.

Подход Гриффина основан на трудах историка Джорджа Моссе, который, по мнению Гриффина, «вывел несколько положений, озnamеновавших новую фазу в исследованиях фашизма»:

Во-первых, хотя нацизм следует безоговорочно считать проявлением родового фашизма, его уже нельзя рассматривать как парадигматическое или наиболее типичное проявление. Во-вторых, в своей основе фашизм – это не режим, не движение, но в первую очередь идеология, критика существующего состояния общества и представление о том, чем можно его заменить. В-третьих, если вскрыть это представление, то фашизм предстанет перед нами как революционная форма национализма... В-четвертых, его идеология выражает себя в первую очередь не через теорию и доктрины, а через причудливый синтез идей, конкретное содержание которых значительно различается в разных странах, не меняется лишь подход - по сути своей мифический, а не рациональный. Также важно и то, что эта идеология выражает себя через литургическую, ритуализированную форму массового политического зрелища [36].

Подобно Моссе и в отличие от многих левых, Гриффин всерьез принимает именно фашистские изложения веры. Он утверждает, что анализ фашистской идеологии – как и любой другой: социалистической, либеральной или консервативной – должен опираться на то, как сами ее носители выражают свою социальную позицию и собственное видение – такой подход он называет «методологической эмпатией» [37]. Хотя некоторые критики неверно приписывают ему недостаток критической дистанции или даже политическую симпатию к фашизму, методологическая эмпатия в самом деле необходима для понимания того, что заставляет людей примыкать к фашистским движениям.

Другая базовая посылка работы Гриффина состоит в том, что «родовой» фашизм (в противоположность специальному фашизму, лидером которого был Муссолини) представляет «идеальный тип» (термин Макса Вебера) – имеется в виду теоретический конструкт, который может лишь приблизиться к историческому феномену. Согласно Гриффину, определения фашизма не являются объективно «верными» в описательном смысле – они скорее полезны как концептуальные рамки для интерпретации и классификации событий и отношений. Историк Роберт Пэкстон, впрочем, утверждает, что такой подход «обрекает нас на статичное видение, вынуждает рассматривать фашизм в отрыве от всего

остального». Ниже я покажу, что работа Гриффина опровергает обе эти претензии [38].

Гриффиновское определение фашизма может быть сведено к трем словам - «палингенетический популистский ультранационализм» [39]. Каждый из этих терминов нуждается в объяснении:

Палингенетический: От греческого *palin* (снова, заново) + *genesis* (создание или рождение). Термин отсылает к мифу или представлению о коллективном возрождении после периода кризиса или упадка.

Популистский: Форма политики, которая для утверждения своей легитимности ссылается на «народ» (а не, скажем, на принадлежность к монархической династии или божественное предписание) и использует массовую мобилизацию для захвата власти и изменения общества.

Ультранационализм: Обращение к нации как к высшему органическому единству, которому должны быть подчинены все остальные приоритеты. Ультранационализм отвергает «все, что совместимо с либеральными институциями или с традицией просвещенческого гуманизма, лежащей в их основе» [40].

Являясь формой популистского ультранационализма, фашизм на фундаментальном уровне отвергает либеральные принципы плюрализма и прав личности, так же как и социалистические принципы классовой солидарности и интернационализма, угрожающие органическому единству нации. Одновременно с этим фашизм отрицает традиционную основу власти (монархию и аристократию) в пользу харизматической политики и новой самопровозглашенной политической элиты, которая якобы воплощает волю народа. Фашизм стремится построить массовое движение – активно действующее, но контролируемое сверху – из всех значительных элементов национального сообщества для захвата политической власти и переустройства социальной системы. Это движение должно вдохновляться видением «национального сообщества, восстающего как феникс после периода упадка, разрушившего ее почти до основания» [41]. Такое возрождение подразумевает системную, осуществляющую сверху трансформацию всех социальных сфер авторитарным государством, подавление или вычищение всех сил, идеологий и социальных групп, которые фашисты считают чуждыми.

Требование широкой социальной и культурной трансформации и разрыва с существующим порядком, стремление к

обновлению отличают фашизм как революционную идеологию от консервативных форм ультранационализма. Фашистская революция, утверждает Гриффин, - это прежде всего революция культурная. Национальное возрождение главенствовало в фашистском мышлении в качестве первичной реальности, ключевой точки, основного объекта обновлений и преобразований. Разумеется, упор марксизма на социоэкономику как движущую силу исторических перемен был для фашистов симптомом его сущностного материализма, «атеизма» и, следовательно, «разложения». «При новом порядке «культура» перестанет быть индивидуализированной, приватизированной, маргинализированной сферой современной жизни... Вместо этого она снова будет тем, что Льюис Мамфорд называет «мегамашиной», матрицей мифопоэии, ритуалов, институций и художественного творчества всего общества...» [42].

Несмотря на такое внимание к субъективности, утверждает Гриффин, фашизм стремится и к масштабным структурным изменениям. «В то время как ни фашистское, ни нацистское государство не стремились преодолеть капиталистическую экономику и частную собственность, они без колебаний вмешивались в экономику в беспрецедентном (если не учитывать военное время) для любого либерального государства масштабе». Речь идет о широких общественных проектах, стремлении к экономической самодостаточности (автаркии) и, в случае нацизма, создании огромной империи и порабощения миллионов работников. «Оба режима также разрабатывали масштабные программы социальной инженерии, включавшие создание массовых организаций для любой социальной группы, переоснащение системы образования, символическую аппроприацию всех аспектов досуга, спорта, культуры и технологий...» [43].

Подчеркивая революционную сторону фашизма, Гриффин не проясняет, в какой степени фашизм функционировал как оплот капитализма и существовавшей социальной иерархии. Он отмечает, что «на практике фашизм боролся с традиционными правящими элитами за захват и концентрацию власти, но оставлял капиталистические структуры по существу нетронутыми». Однако ключевым для Гриффина является то, что «на уровне идеологических устремлений фашизм и нацизм стремились совместить разнонаправленные энергии нации, включая консервативную и капиталистическую, в обществе радикально нового типа... и до определенной степени преуспели в этом» [44]. Гриффин, судя по всему, не считает, что противоречие между двумя этими

утверждениями необходимо разрешать на базовом теоретическом уровне – идеология для него более важна.

Тем не менее, сосредоточенность Гриффина на фашистском мифе о коллективном возрождении представляет собой концептуальный прорыв, который серьезно повлиял на развитие исследований о фашизме. Благодаря палингнегетическому аспекту, гриффиновская модель фашизма становится более отчетливой, чем некоторые из прежних (например, модель Михали Вайды), которые просто отождествляют фашизм с ультра- или «органическим» национализмом. Фокус на палингнегетическом мифе также проясняет очевидное противоречие фашизма – его одновременную обращенность в прошлое и в будущее. Как отмечает Гриффин, хотя фашизм в некоторых своих формах взывает к славе минувших времен, он черпает в этом вдохновение для создания «нового порядка», а не для реставрации старого. Таким образом, фашизм «представляет собой альтернативу модернизму, а не его отрицание» [45].

Понятие палингнегетического мифа проливает свет не только на фашизм, но также на ряд связанных с ним политических течений. Например, Ку-Кlux-Клан, созданный в конце 1860-х, опирался на идею восстановления белого расистского Юга, фактически ликвидированного во время Гражданской войны и Реконструкции. С 1860-х сторонники превосходства белой расы постоянно обращались к идеи возрождения перед лицом каждого нового кризиса расовой системы США. Это помогает объяснить, почему ККК, в отличие от многих других расистских институций, возрождается снова и снова – и каким образом он подготовил почву для фашистских идей, завезенных из Европы.

Гриффиновское определение фашизма имеет и другие преимущества. Оно достаточно гибкое, чтобы охватить множество разных версий фашистской политики. Как отмечает Гриффин, фашизм может включать или не включать военизированные формирования, культ верховного лидера, корпоративистскую экономическую политику, стремление к империалистической экспансии. (Некоторые фашистские движения, такие, как «Британский союз фашистов» Освальда Мосли, проповедовали нейтралитет или даже сообщество возрожденных наций). Согласно Гриффину, хотя все формы фашизма являются расистскими в том смысле, что они пропагандируют этнический шовинизм и монокультурные общества, эта расовая идеология не всегда имеет биологическую

подоплеку и может варьироваться – от относительно легкого этноцентризма до систематических программ геноцида.

В отличие от многих определений фашизма, модель Гриффина способна отобразить также мелкие различия и отношения между фашизмом и другими правыми течениями. Гриффин разграничивает фашизм и движения, которые разделяют сходную идеологию, но не делают попыток опереться на массы или свергнуть либеральную политическую систему. Впрочем, он признает, что могут быть и пограничные случаи. Интересно, что, по мнению Гриффина, итальянский «Национальный альянс», наследующий неофашистскому «Итальянскому социальному движению», представляет собой противоречивый, но подлинный гибрид: следованию фашистской идеологии сопутствует принятие либеральных демократических правил игры. Гриффиновское определение этого гибрида – «демократический фашизм» – неудачно, но в главном он прав: некоторые формирования шагают по границе между революционными и реформистскими правыми [46].

Гриффиновское определение фашизма также исключает большую часть диктатур, которые часто маркировались как фашистские. Для многих подобных режимов он предложил понятие «парафашизм» [47]. Парафашистский режим навязывается сверху (часто военной силой) и представляет интересы традиционных элит, пытающихся сохранить старый порядок, но окружает свое консервативное ядро фашистскими атрибутами. Среди таких атрибутов может быть официальная государственная партия, военизованные организации, культ лидера, массовые политические ритуалы, корпоративизм и риторика ультранационалистического возрождения. Парафашистские режимы могут настолько же безжалостно использовать государственный терроризм, как и настоящие фашистские режимы. В отличие от настоящего фашизма, парафашизм не подразумевает подлинной народной мобилизации и не бросает фундаментального вызова существующим институтам. В 1920-х и 1930-х, утверждает Гриффин, парафашистские режимы возникли внескольких европейских странах, таких как Испания, Португалия, Венгрия, Румыния и Австрия, к которым – после капитуляции правительства Виши перед Германией в 1940-м году – присоединилась и Франция. Парафашистские режимы воспринимали настоящие фашистские движения как угрозу и пытались с помощью тех или иных стратегий сдержать, ассимилировать или подавить их. В Испании во время Гражданской войны, например,

генерал Франко «принудил к браку фалангистов и «традиционных (то есть нефашистских) радикальных правых» в рамках своей стратегии установления парофашистской диктатуры» [48].

Вопреки утверждениям о том, что определение «идеального типа» ограничивает наши представления о фашизме исключительно прошлым, Гриффин внимательно следит за современными метаморфозами фашизма. Он достаточно подробно пишет о неофашизме, под которым понимает одну из форм фашизма, возникшую после 1945 года и существенно модифицировавшую или заменившую формы фашистской идеологии межвоенной эпохи [49]. Многие фашисты скрывали свою политику за демократическим фасадом, используя риторические коды, помогающие затушевывать границу между жестким консерватизмом и крайне правой идеологией. Некоторые выдвигали новые философские системы для рационализации фашистской политики, в том числе «Новые правые» во Франции, связанные с мозговым центром GRECE Алена Бенуа, или Юлиус Эволя в Италии. Группы Третьей позиции сближаются с левым антикапиталистическим движением на границах традиционного фашизма, а не с майнстримом в духе Гитлера или Муссолини.

Из новшеств неофашизма Гриффин особенно выделяет одну тенденцию: сдвиг в сторону интернационализма. Начиная с 1960-х и по сей день можно наблюдать существенное укрепление международных взаимосвязей как через неформальные контакты, так и через организации наподобие CEDADE (Испанский кружок друзей Европы), NSDAP-AO (Зарубежная организация НСДАП) и WUNS (Всемирный союз национал-социалистов). Такого рода связи усилили чувство принадлежности к международному движению и веру в то, что на фашистских принципах могут возродиться многие нации, а не только твоя собственная.

Несмотря на многие преимущества гриффиновского подхода, некоторые утверждения резко снижают его пользу в понимании текущей политики. Это становится очевидно, например, когда Гриффин обращается к социальным и политическим факторам, способствующим подъему фашизма. Он утверждает, что рост сильного фашистского движения возможен лишь при особом стечении обстоятельств, а именно в ситуации, когда либеральная демократия (обеспечивающая политическое пространство для фашистской организации) переживает глубокий кризис (сеющий в массах идею радикального возрождения), а серьезные нефашистские силы правого толка (не позволяющие

фашизму получить массовую поддержку) отсутствуют. Для захвата фашизмом политической власти окно возможностей еще уже: либеральная демократия должна быть «достаточно зрелой институционально, чтобы предотвратить угрозу прямого военного или монархического путча, но недостаточно зрелой, чтобы полагаться на консенсус среди населения в целом» относительно либеральных ценностей. По мнению Гриффина, фашистские движения получили такую возможность только в четырех странах: в Италии (1918-22), в Германии (1918-23, 1929-33), в Финляндии (1929-32) и в Южной Африке (1939-43) [50].

В отличие от собственно определения фашизма, эта часть аргументации Гриффина слишком статична, замкнута на описании подъема классического фашизма между мировыми войнами. Как показывает история левых, оппозиционные силы могут организоваться в широком масштабе (и даже захватить власть) при самых разнообразных политических системах, а не только при либеральной демократии. Еще сомнительнее утверждение Гриффина о том, что фашисты уже никогда не будут способны преодолеть маргинальный статус и претендовать на государственную власть, потому что «структурные факторы, превратившие фашизм и нацизм в успешные революционные течения, просто исчезли» [51]. В качестве аргумента Гриффин говорит, что с 1945 года либеральные государства-нации подняли жизненные стандарты, усилили приверженность людей демократическим принципам и научились лучшеправляться со структурными кризисами. Наивность и близорукость таких утверждений кажется вопиющей, если учитывать проницательность Гриффина во многих других отношениях. Здесь Гриффин особенно ограничен своим либерализмом и недостатком радикального анализа.

Еще одно слабое место в аргументах Гриффина — отношения фашизма с религией. Он утверждает, что фашизм — это светская идеология, которая на фундаментальном уровне несовместима с «подлинной» религией. Согласно Гриффину, «земные устремления» фашизма контрастируют с сосредоточенностью религии на бесконечной метафизической реальности, выходящей за пределы человеческой деятельности, а жестокость и этноцентризм фашизма несовместимы с «auténtичным» признанием религией взаимосвязанности всего сущего и красоты жизни. Верно, признает Гриффин, что многие внешне религиозные люди принимали фашизм, но это означает «摧毀ение» их веры. Да, многие

фашистские идеологии включали в себя религиозные сюжеты, но тем самым фашизм «разлагал» и даже «осквернял» религию [52].

Учитывая мировую историю религии, сложно понять, как Гриффин мог утверждать, будто насильтственные или репрессивные версии религиозных верований не являются подлинными. Кто он такой, чтобы говорить, что его представление о религии единственно верное? Поступая так, Гриффин выбрасывает на свалку собственную приверженность методологической эмпатии. Если предполагается, что анализ фашистской идеологии «вторгается в фашистское самоосмысление... чтобы постичь, как люди понимали это движение» [53], то нам нужно попытаться понять, что означала религия для фашистов, а не объявлять их веру притворной или извращенной потому, что она не соответствуют общепринятым меркам. Гриффин ясно дает это понять, когда речь идет о фашистских концепциях революции, но религия остается для него тайной за семью печатями.

Более обоснована, хотя и вызывает некоторые вопросы убежденность Гриффина в том, что существует базовое понятийное различие между фашизмом и религиозным «фундаментализмом». Хотя оба течения призывают к коллективному возрождению на руинах разложившегося современного общества, но, согласно Гриффину, фашизм говорит о возрождении конкретной нации и заявляет, что «народ» – определяемый как субъект особого культурного или генетического наследия – есть источник власти. Напротив, «фундаменталисты считают «народ» сообществом верующих, созданных божественной силой для метафизической миссии» и определяют Бога – а не нацию и не расу – как первичную реальность и источник легитимности. Более того, фундаментализм «пытается заново установить то, что он считает традиционными или ортодоксальными религиозными верованиями, основанными на божественном откровении», – следовательно, его ответ современному миру является не «революционным, а реакционным и консервативным» [54].

Гриффин признает, что на практике могут возникать «гибриды» фашизма и фундаментализма, а также что «границы между религиозными правыми и неофашизмом в последние два десятилетия становятся все более расплывчатыми» [55]. Его аргументы по этому поводу несколько запутаны, так как он использует термин «фундаментализм» в самых разных ситуациях, не всегда следуя описанию фундаментализма, приведенному выше. В целом, образцы фашистско-фундаменталистских гибридов, на которые он

указывает (каханизм в Израиле, партия Бхаратия Джаната в Индии, «Христианская идентичность» в США) — это движения, которые не связаны с религиозной ортодоксальностью как таковой, но используют религию в качестве маркера национальной или этнической идентичности, мотив для преследования. По словам Никки Кедди, такие движения точнее было бы называть религиозными национализмами, а понятие «фундаменталистский» лучше оставить для движений (таких, как правые христиане), которые пытаются навязать обществу особый набор религиозных верований или практик [56]. Фундаменталистские движения в более узком смысле, как их понимает Кедди, имеют относительно мало пересечений с фашизмом по Гриффину.

Есть веские причины охватить, вопреки Гриффину, понятием фашизм и некоторые в более узком смысле фундаменталистские движения. Это заставляет нас переосмыслить идею, согласно которой фашизм всегда представляет собой форму национализма. В эпоху глобализации фашизм менее тесно связан с государственностью, чем 75 лет назад. Сам Гриффин отмечает тенденцию к интернационализму среди неофашистов, а некоторые из них уже прилагают усилия к распаду наций-государств на более мелкие, этнически чистые образования (например, неонацисты призывают к созданию независимой «белой родины» на Северо-Западном побережье Тихого океана). Британский журнал Третьей позиции заявляет: «Излишне централизованные государства сегодня чреваты острыми конфликтами. Практическую альтернативу представляют децентрализованные государства, основанные на гомогенных группах, объединяющихся друг с другом в конфедерации и допускающих двусторонние соглашения между регионами как единственно возможное решение в долгой перспективе» [57]. (Такое децентралистское видение остается тоталитарным в том смысле, что оно стремится навязать жесткие идеологические стандарты всему обществу, но рассчитывает сделать это через местные, региональные или неправительственные институты, а не через государства-нации.)

В свете подобного отступления от традиционного фашистского национализма разница между возрождением нации и возрождением сообщества верующих остается важной, но не более, чем разница между культурным шовинизмом Муссолини и биологическим расизмом Гитлера.

В связи с этим я не согласен с утверждением Гриффина, что стремление навязать религиозную ортодоксию никогда не бывает

революционным. Наиболее радикальные ветви как правых христиан, так и правых исламистов требуют «возвращения» к якобы древним писанным законам. Но в современных условиях, вкупе с современной технологией и организаторскими стратегиями, это подразумевает скоординированный, контролируемый элитой проект по переформированию всех социальных сфер, что весьма походит на фашистскую культурную революцию в описании Гриффина. Это также означает, что некоторые религиозные фундаменталисты преследуют идеологические цели, которые могут входить в конфликт с капиталистической политикой (например, с пропагандой потребительства и эксплуатацией женской рабочей силы) аналогично тому, как светский фашизм находился в противоречивых отношениях с бизнес-элитами.

Совместить два подхода

В своем анализе фашизма Гриффин и независимые марксисты, о которых шла речь выше, сходятся в нескольких важных пунктах. В целом и тот, и другие считают фашизм автономной политической силой, особой формой правой политики, которая противостоит левым, но также бросает вызов существующему порядку, в том числе системной капиталистической политике и культуре. Двое из марксистов (Хаммерквист и Сакай) наряду с Гриффином определяют фашизм как революционное течение. Сторонники обоих подходов также признают, что фашизм не является статичным единством, но возникает как ответ на новые исторические условия и возможности. Наряду с этими общими чертами, каждая сторона имеет и свой, особый взгляд. Гриффин предлагает проницательный и детальный портрет фашистской идеологии, тогда как вклад марксистов состоит в тщательном изучении противоречивых отношений между фашизмом и капитализмом.

Здесь открывается обширное пространство для взаимообмена, но в этом направлении ведется мало работы. Сам Гриффин часто заявляет о том, что марксистские штудии на тему фашизма заводят в интеллектуальный тупик. Ученого сбивает с толку убежденность в том, что марксизм по определению отрицает революционные претензии фашизма и «аксиоматичную» по мнению Гриффина посылку о необходимости «рассматривать фашизм в первую очередь в отношении к кризису капиталистического государства» [58]. С другой стороны, Гриффин признает значительные

расхождения среди марксистов и в эссе 2001 года заявляет о «перспективе совмещения марксистских и либеральных» подходов к фашистской эстетике [59].

Однако и среди марксистов мало кто уделял внимание работам Гриффина. Троцкист Дэйв Рентон ведет недостойную полемику, фальсифицируя многие идеи Гриффина. Рентон, например, заявляет, что Гриффин хочет «освободить фашистскую Италию от стигмы» и что он «полагает, будто фашизм нельзя обвинять за Холокост». В противоположность ему Марк Неклеус предпринимает серьезную попытку синтезировать классовый анализ с изучением фашистской идеологии отчасти под влиянием Гриффина. Но Неклеус недооценивает повстанческое измерение фашизма – а именно аспект, который должен быть центральным для такого взаимообмена, – вместо этого односторонне изображая фашизм как «контрреволюционный феномен на страже капитализма» [60].

Как шаг к объединению двух подходов я предлагаю следующую примерную формулировку: «фашизм — это революционная форма правого популизма, порожденная тоталитарным видением коллективного возрождения, бросающая вызов политической и культурной власти капитализма, пропагандирующая экономическую и социальную иерархию» [61].

В этом определении слово «революционный» обозначает стремление внести фундаментальную, структурную трансформацию в политический, культурный, экономический или социальный порядок. Во-первых, фашизм стремится прежде всего к свержению политических элит и отмене существующих законов политического управления, неважно, либерально-плюралистических или авторитарных. Во-вторых, фашисты атакуют «буржуазные» культурные шаблоны, такие как индивидуализм и консьюмеризм, и стремятся к системному переформированию культурной сферы – включая образование, семейную жизнь, религию, прессу, искусство, спорт и досуг, также как культуру бизнеса и рабочего места – в рамках единой идеологии. В-третьих, некоторые (не все) фашистские течения проповедуют социоэкономическую революцию, которая трансформирует, но не отменяет классовое общество, – подобно тому, как немецкий нацизм основал в промышленном сердце Европы систему эксплуатации, основанную в значительной степени на грабеже, рабском труде и геноцидальном доведении людей до смерти посредством труда.

Под правым я подразумеваю политическую ориентацию, которая укрепляет или усиливает социальное притеснение как элемент реакции против движений за большее равенство, свободу и открытость. Популизм означает форму политики, которая использует массовую мобилизацию для консолидации «народа» вокруг той или иной формы антиэлитарности (это определение, позаимствованное у Маргарет Канован, слегка отличается от гриффиновского понимания популизма). Сочетая два этих представления, правый популизм мобилизует массовое движение на базе извращенной антиэлитарности (часто основанной на теориях заговора) и в то же время усиливает притеснение. На место левых концепций классовой борьбы фашисты часто ставят ложное различие между «производителями» (включая «производительных» капиталистов, рабочих и средние классы) и «паразитами» (под которыми могут пониматься финансисты, бюрократы, иностранные корпорации, евреи, иммигранты, неработающие матери и т.д.) Правый популизм часто обращается к средним группам в социальной иерархии, которые исторически формировали важную часть массовой базы фашизма [62].

Фраза «тоталитарное видение коллективного возрождения» позаимствована мной из работы Гриффина, но его категорию ультранационализма я понимаю более широко и включаю в нее некоторые ненационалистические движения, основанные на религии, а также некоторые другие. Фашистское видение тоталитарно постольку, поскольку оно а) возвеличивает одну группу – национальную, этническую, религиозную или расовую – как органическое сообщество, которому должно быть подчинено все остальное; б) использует массовые организации и ритуалы для создания чувства общности и прямой идентификации с этим сообществом; с) выступает за скординированный вертикальный контроль всех институтов; д) в принципе отрицает понятия прав личности, плурализма, равенства и демократического принятия решений. Понятие коллективное возрождение предполагает, что сообщество должно быть спасено от глубокого внутреннего кризиса – в основном за счет очищения от «чуждых» идеологий и групп людей, которые воспринимаются как угроза единству и жизненной силе сообщества. Этот набор представлений нередко включает в себя романтизированные образы прошлого, но в целом подразумевает радикально новый культурный и политический порядок.

Фашистские режимы бросают вызов политической и культурной власти капитализма и берут государство под свой контроль, не допуская к власти представителей крупного бизнеса и подчиняя интересы капиталистов собственной идеологической повестке. В то же время фашизм стремится к созданию экономической и социальной иерархии либо внутри, либо (потенциально) вне капиталистической системы. Исторически фашисты блокировались с капиталистами и содействовали экономической власти большого бизнеса. Хотя фашисты часто делали своей мишенью некоторые характерные черты капитализма и даже специфические секторы соответствующего класса, ни одно фашистское движение не атаковало фундаментальные структуры капитализма (такие как частная собственность и рыночная экономика). Фашистская революция должна радикально переформировать экономическую эксплуатацию, но не отменить ее.

Совмещая лучшие стороны двух подходов, которые я описал, предлагаемое определение – фокусирующееся одновременно на идеологии и классовой власти – позволяет создать более полную модель фашизма. Оно дает нам более действенный инструмент для описания разделений, отношений и изменений в правой политике и помогает понять, каким образом эта динамика связана с изменениями капитализма.

В последние 30 лет произошел подъем правых движений во многих частях мира. Многие из этих движений пропагандируют ту или иную форму авторитарного популизма – либо националистического, либо религиозного. Речь идет в том числе об антиэлитизме и коллективном преодолении кризиса. В этом контексте некоторые авторы полагают неприкрытым расизм или антисемитизм ключевыми маркерами фашизма, однако расизм и антисемитизм можно найти не только у фашистов, да и не все фашисты сегодня являются сторонниками этнического фанатизма. Водораздел стоило бы проводить скорее между «реформистами», которых устраивает работа внутри существующих структур, и «революционерами» (включая фашистов, но не только), которые выступают за радикальный разрыв с существующим порядком. Это разделение часто проходит внутри движений, а не между ними. В США последнего времени примером тому два движения: «Патриот» и правые христиане [63].

Движение «Патриот», являвшееся вооруженной «гражданской милицией» и достигшее пика в середине/конце 1990-х, представляло собой первую крупную коалицию убежденных нацистов и

активистов нефашистского толка в США, появившуюся после Второй мировой войны. Движение трубило об апокалиптическом призраке заговора элит, цель которого – разрушить суверенитет США и навязать им тираническую коллективистскую систему под началом ООН. Главным пунктом программы движения было формирование вооруженных «милиций» для защиты от ожидаемого силового вмешательства, но были в ходу и более экстремальные предложения, такие как ложные «конституционные» теории, предлагавшие заново легализовать рабство, лишить женщин избирательных прав, а цветных и инвалидов – статуса граждан. Движение «Патриот», распространявшееся в виде свободной сети преимущественно в среде сельского рабочего класса, в период расцвета привлекало в свои ряды миллионы сторонников. Оно подпитывалось не только страхом репрессий со стороны власти, но также реакцией на экономические сложности, связанные с глобализацией (например, с фермерским кризисом 1980-х), эрозией традиционных белых привилегий, упадок глобального господства США и разочарование в мейнстримных политических проектах. (В основном те же импульсы обеспечивали низовую поддержку президентским кампаниям Пэта Бьюкенена в 1992 и 1996 годах. Бьюкенен сочетал в своей риторике нападки на иммигрантов, геев и феминисток с критикой корпоративной глобализации, выступал за антиинтервенционистскую внешнюю политику, но не бросал вызова существующей политической системе).

Христианские правые выступали с программой культурного традиционализма в ответ на якобы происходящий распад общества и заговор светской гуманистической элиты с целью разрушения американской свободы. Программа движения концентрировалась на восстановлении традиционных гендерных ролей и гетеросексуального мужского доминирования, но также включала и серьезные элементы культурного расизма. Христианские правые, опирающиеся в первую очередь на пригородный средний класс южных штатов, сформировали плотную сеть локальных, региональных и национальных организаций, которые вовлекают в свою деятельность миллионы людей. Движение включает в себя и маленькое фашистское крыло, возглавляемое сторонниками христианского реконструкционизма.

Реконструкционисты, игравшие ключевую роль в самом террористическом крыле движения против абортов, отрицают плюралистические институты в пользу широкомасштабной теократии,

основанной на их интерпретации библейского закона. Впрочем, часть правых христиан защищали (и до сих пор защищают) более ограниченные формы христианского контроля и стремились к достижению власти в рамках существующей политической системы, не стремясь ее ниспровергнуть.

Во многих других частях света фашизм также существует как тенденция или отдельная фракция внутри более широкого движения. В Западной и Центральной Европе многие правые националистические движения включают в себя маленькие радикальные неофашистские группы наряду с массовыми партиями, такими как Национальный фронт (Франция), Австрийская партия свободы (FPO) и Национальный альянс (Италия) [64]. Все эти партии были сформированы в огромной степени (экс?)нацистами и муссировали политические темы (в первую очередь, антииммигрантский расизм), которые многими воспринимаются как основа фашистской повестки. Как Австрийская партия свободы, так и Национальный альянс участвовали в коалиции правительства на национальном уровне. Это может быть частью долговременной стратегии по «фашизации» политического климата и институтов изнутри, но существует также вероятность, что фашисты – подобно социалистам – будут ассимилированы политической системой либерального капитализма.

«Исламские правые» включают огромное количество разнообразных организаций, политических философий, стратегий и групп избирателей по всему исламскому миру [65]. Хотя некоторые ветви (особенно религиозная властная верхушка Саудовской Аравии) являются консервативными или реакционными, другие представляют тип правого популизма, который стремится не отвергнуть современность, а переформировать ее. Они используют современные формы политической мобилизации, чтобы поднять мусульман против западного империализма, сионизма, глобальной капиталистической культуры и/или местных элит. Они стремятся к коллективному религиозному и национальному (или интернациональному) возрождению посредством новой исламизации общества или свержения иностранного господства.

Афганский «Талибан» и ливанская «Хезболла» представляют противоположные полюса этого течения. «Талибан» пропагандирует тоталитарную форму исламского права, сочетающую злобное женоненавистничество, пуштунский этнический шовинизм и милитаристский капитализм – политика, которая вполне заслуживает того, чтобы считаться фашистской. «Хезболла», напротив,

уравновешивает свой призыв к исламской модели теократии уважением к религиозному, этническому и политическому разнообразию, не оказывает особого давления на женщин и фокусирует свою популистскую критику в основном на реалиях израильской агрессии и трудностях, с которыми сталкивается шиитское большинство в Ливане [66]. (Исламская Республика Иран располагается где-то между этими двумя полюсами. Этот авторитарный режим является тем не менее достаточно открытым и плюралистичным, поэтому его нельзя назвать фашистским. Это лишний раз указывает на то, что правый революционный антиимпериализм не обязательно равен фашизму.)

Широкое националистическое движение в Индии выступает за единство и главенствующую роль индусов как ключ к воскрешению индийской нации. Движение проповедует ненависть к мусульманам и массовое насилие против них, заявляя, что политические лидеры Индии долгое время проводили антииндустриальную политику благоприятствования мусульманам и другим меньшинствам. Индусский национализм, или «хиндутива», обращается в первую очередь к индусам – представителям среднего класса и высших каст из северной и западно-центральной Индии. Ядром движения является Раштрия Сваямсекак Сангх (Союз добровольных слуг родины, RSS), мужская организация, которая проповедует военизированный этос и призывает к радикальному переустройству индийской культуры согласно авторитарным корпоративистским схемам. Политическое ответвление RSS – Бхаратия джаната парти (Индийская народная партия, BJP) – часто следует более pragматичной электоральной стратегии, в которой смягченная версия индуистского шовинизма сочетается с экономическим популизмом. (BJP возглавляла коалиционное правительство Индии с 1998 по 2004 год, а сегодня возглавляет парламентскую оппозицию). Внутри движения есть также противоречия между сторонниками свободной торговли и экономическими националистами, которых заботят опасности, связанные с зарубежным инвестированием. В противоположность многим фашистам и другим правым националистам, «хиндутива» стремилась к тесным стратегическим связям с США и Израилем, особенно когда Джордж Буш объявил войну с терроризмом [67].

Такого рода движения кажутся отличными от классического фашизма во многом из-за того, что капиталистический мир изменился. Классический фашизм сформировался в эпоху европейской индустриализации и национального строительства, в

конкуренции с колониальными империями и международным коммунистическим движением, вдохновленным большевистской революцией. Сегодня как колониализм старого стиля, так и государственный социализм практически исчезли, а корпоративная глобализация размещает производство по всему миру и переформирует государства-нации. Крайне правые движения по-разному отвечают на эти изменения. Они проповедуют ностальгию по старым империям, правый антиимпериализм, национализм старого образца, но также и интернационалистские, и децентрализованные версии авторитарной политики. Они встраиваются в реакционные кампании против левых, они появляются там, где слабость левых открыла пространство для других видов протестных движений. Они пропагандируют разнообразные версии антиэлитаризма, часто делая мишенью США или мультинациональный капитал, но иногда фокусируются в первую очередь на местных элитах.

Многие комментаторы утверждают, что эти фашистские движения сегодня представляют правую реакцию против капиталистической глобализации. Мартин А. Ли утверждает, например, что в Европе «исчезающая власть нации-государства спровоцировала жесткую ультранационалистическую реакцию». Крайне правые эксплуатируют набор популярных тем, связанных с экономическим переструктурированием в международном масштабе – не только вешая все грехи на иммигрантов, но также критикуя Евросоюз, введение единой европейской валюты и подъем глобализированной культуры. «Глобальная коммерция действует как великий гомогенизатор, затушевывая местные особенности и ликвидируя выделяющиеся этнические черты. Следовательно, многие европейцы боятся потерять не только работу, но и свою культурную и национальную идентичность» [68].

В Европе и других регионах крайне правая политика, безусловно, является в большой степени ответом на капиталистическую глобализацию, но этот ответ более сложен, чем простое противодействие. Например, движение «Патриот-милиция» в США отвергает «глобальные элиты», «новый мировой порядок», ООН, интернациональную банковскую систему и т.п., но его нападки на государственное регулирование, как показала инициатива «Народ против расистского террора», соединилась «с текущей глобалистской стратегией Интернационального монетного фонда и Мирового банка, направленной на отмену всех экологических и трудовых кодексов, которые ограничивают беспрепятственную

эксплуатацию» [69]. В Индии индуистские националисты выступают против мультинационального капитала и глобализированной культуры, но основную задачу движения видят в том, чтобы Индия обрела более сильные позиции в системе глобального капитализма. Правительственная коалиция под руководством BJP в 1998–2004 годы выступала за приватизацию, дерегуляцию, иностранные вложения, рост потребкредита и экспансию информационно-технологического сектора. Эта политика скроена по мерке индийских развивающихся высшего и среднего классов, желающих более эффективно участвовать в глобальной экономике. Таким образом, речь не идет об исторических «неудачниках», пытающихся отвоевать прежний статус в борьбе со сторонниками перемен [70].

В качестве реакции против капиталистической глобализации иногда расценивается также гендерная политика христианских и исламских правых, стремящихся вернуть женщин из положения наемных работников к домашнему угнетению, лишив мультинациональный капитал серьезного ресурса трудовой силы. В этом есть своя правда, но и здесь динамика более сложна, речь не идет о простом противодействии. Во-первых, многие правые христиане и исламисты считают приемлемым, если женщина работает вне дома, но делает это «скромно» и не перечит мужскому авторитету. Между тем, как утверждает Мария Миес в работе «Патриархат и накопление в мировом масштабе», считать ведение домашнего хозяйства естественной ролью женщины значит сводить ее оплачиваемую работу всего лишь к источнику «дополнительного» дохода (оправдывая тем самым более низкие зарплаты для женщин) и изолировать трудящихся женщин друг от друга и от трудящихся мужчин (что препятствует коллективной борьбе на рабочем месте) [71]. Это означает, что религиозные правые и глобальный (или локальный) капитал способны как вступить в конфликт, так и найти компромисс относительно гендерной политики.

Заключение

Задача этого эссе – оспорить преобладающее среди американских левых представление о том, что фашизм есть не более, чем инструмент подавления в руках капитализма. Такое представление не только искажает историю, но и мешает понять важнейшие политические угрозы современности. Более продуктивно

рассматривать фашизм как автономную правую силу, которая находится в противоречивых отношениях с капиталом и обеспечивает себе массовую поддержку во многом благодаря призывам к революции против существующих ценностей и институтов. Некоторые марксисты, работы которых были рассмотрены выше, занимались теоретической разработкой такой контрмодели фашизма, но их работам, как правило, недостает систематического анализа фашистской идеологии. Роберт Гриффин в своем анализе фашизма, напротив, сосредотачивается на тщательном изучении идеологии, но игнорирует классовую динамику и не рассматривает должным образом сегодняшнее положение и перспективы фашизма. Сочетание двух подходов дает нам более убедительную модель фашизма, чем каждый подход в отдельности.

Это эссе не является полноценной «теорией» фашизма. Многие важные аспекты фашизма требуют более детального подхода, чем тот, который мне удалось разработать здесь, и помимо авторов, о которых я писал (как марксистов, так и немарксистов), существует еще много серьезных исследователей фашизма. Я надеюсь, что эта дискуссия породит новые попытки синтеза различных подходов.

Концепция фашизма как правой революционной силы породила идею «битвы на три стороны» между фашизмом, системным глобальным капитализмом и (по крайней мере, потенциальной) левой революцией. Такой подход – шаг вперед по сравнению с широко распространенными дуалистическими моделями, пытающимися разделить всех политических игроков между «силами угнетения» и «силами освобождения». Как долгие годы подчеркивали некоторые радикальные антифашисты, «враг моего врага» не обязательно мой друг. В то же время, как любая теоретическая модель, модель «трехсторонней битвы» сама по себе лишь приближается к реальности. В этой борьбе больше сторон и, чтобы понять разные силы и их взаимоотношения, нам необходимо проделать большую работу.

[1] Matthew N. Lyons, «Is the Bush Administration Fascist?» *New Politics* 11, no. 2 (Winter 2007), <http://www.wpunj.edu/newpol/issue42/Lyons42.htm>.

[2] См., например, “The hidden GOP agenda: Right-wing control of Republican Party stands as a wake-up call to the nation,” *People’s Weekly World*, 24 August 1996, www.pww.org/archives96/96-08-24-1.html; Jack Barnes, “Fascism: not a form of capitalism but a way to maintain capitalist rule,” *The Militant*, 4 September 2006, www.themilitant.com/2006/7033/703356.html; Revolutionary Communist Party, USA, “The Battle For the Future Will Be Fought From Here Forward!” (December 2004), <http://rwor.org/future/web.htm>; Eric Hass, *The Reactionary Right: Incipient Fascism* (New York Labor News: 1963; сетевая публикация 2007), www.socialistlaborparty.org/pdf/others/reactionary_right.pdf; Anis Shivani, “Is America Becoming Fascist?” *CounterPunch*, 26 October 2002, <http://www.counterpunch.org/shivani1026.html>; Alan Nasser, “The Threat of U.S. Fascism: An Historical Precedent,” *Common Dreams*, 2 August 2007, www.commondreams.org/archive/2007/08/02/2933/; и бесконечное множество прогрессивных сайтов, апеллирующих к тексту Лоренса Бритта «Четырнадцать особенностей фашизма» или к книге Бертрама Гросса 1980 года «Дружелюбный фашизм».

[3] Gregory Meyerson and Michael Joseph Roberto, «It Could Happen Here,» *Monthly Review*, October 2006, <http://www.monthlyreview.org/1006meyerson.htm>.

[4] XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1934, с. 589.

[5] Leon Trotsky, «What is National Socialism?», 1933, published 1943; reprinted in *The Age of Permanent Revolution: A Trotsky Anthology*, ed. Isaac Deutscher (New York: Dell Publishing Co., 1964), 181. На русском см. Л. Д. Троцкий. Что такое национал-социализм? http://www.marxists.org/russkij/trotsky/1933/national_socialism/01.htm

[6] David Lethbridge, «The Marxist-Leninist Theory of Fascism,» *The Bethune Institute for Anti-Fascist Studies*, 1999, <http://bethuneinstitute.org/documents/mltheory.html>.

[7] T.W. Mason, «The Primacy of Politics—Politics and Economics in National Socialist Germany,» in *The Nature of Fascism: Proceedings of a conference held by the Reading University Graduate School of Contemporary European Studies* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1968), 165–95.

[8] *Ibid.*, 179.

[9] *Ibid.*, 191–92.

- [10] Ian Kershaw, *The Nazi Dictatorship: Problems and Perspectives of Interpretation*, 2d ed. (London: Edward Arnold, 1989), 44-60; Jane Caplan, «Theories of Fascism: Nicos Poulantzas As Historian.» 1977; reprinted in *Radical Perspectives on the Rise of Fascism in Germany, 1919-1945*, ed. Michael N. Dobkowski and Isidor Walliman (New York: Monthly Review Press, 1989), 149n29.
- [11] Franklin Hugh Adler, *Italian Industrialists from Liberalism to Fascism: The political development of the industrial bourgeoisie, 1906-1934* (Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1995), 347.
- [12] August Thalheimer, «On Fascism,» 1928; reprinted in *Marxists in the Face of Fascism: Writings by Marxists on Fascism from the Interwar Period*, ed. David Beetham (Totowa, N.J.: Barnes & Noble, 1984), 188.
- [13] Ibid., 191.
- [14] Thalheimer, «So-called Social-fascism,» 1929; reprinted in *Marxists in the Face of Fascism*, ed. Beetham, 196.
- [15] Thalheimer, «On Fascism,» 191, 194.
- [16] Ibid., 190, 192-93.
- [17] Caplan, «Theories of Fascism,» 143-44.
- [18] Mihaly Vajda, *Fascism as a Mass Movement* (New York: St. Martin's Press, 1976), 13, 93.
- [19] Ibid., 93, 75, 8, 105.
- [20] Ibid., 17, 24, 19-20.
- [21] Ibid., 24-25.
- [22] Xtn, «Introduction,» in *Confronting Fascism: Discussion Documents for a Militant Movement* (Montreal, Quebec: Kersplebedeb; Chicago: Chicago Anti-Racist Action and Arsenal Magazine, 2002), 1-13.
- [23] J. Sakai, «The Shock of Recognition,» in *Confronting Fascism*, 88-89, 95.
- [24] Don Hamerquist, «Fascism & Anti-Fascism,» in *Confronting Fascism*, 16.
- [25] Hamerquist, «Fascism & Anti-Fascism,» 38; Sakai, «Shock of Recognition,» 104.
- [26] Sakai, «Shock of Recognition,» 94, 89, 93-94.
- [27] Ibid., 91, 121.

[28] Hamerquist, «Fascism & Anti-Fascism,» 27.

[29] *Ibid.*, 24.

[30] Sakai, «Shock of Recognition,» 94.

[31] David D. Roberts, *The Syndicalist Tradition and Italian Fascism* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1979); Geoff Eley, «What Produces Fascism: Preindustrial Traditions or a Crisis of the Capitalist State?,» 1983; reprinted in *Radical Perspectives on the Rise of Fascism in Germany*, ed. Dobkowski and Walliman, 78-79.

[32] Eley, «What Produces Fascism,» 85.

[33] Eley, «What Produces Fascism,» 83; Conan Fischer, *Stormtroopers: A Social, Economic and Ideological Analysis, 1929-1935* (Boston: George Allen & Unwin, 1983).

[34] Hamerquist, «Fascism & Anti-Fascism,» 41.

[35] Xtn, «Introduction,» 11-13; Matthew Lyons, «Notes on Women and Right-Wing Movements.» *Three Way Fight blog*, September 2005; republished with corrections, <http://www.scils.rutgers.edu/~lyonsm/WomenAndRight.html>.

[36] Roger Griffin, «Section II: The Search for the Fascist Minimum: Presentation,» in *International Fascism*, 52-53.

[37] Griffin, «Notes towards the definition of fascist culture: the prospects of synergy between Marxist and liberal heuristics,» *Renaissance and Modern Studies* 42 (Autumn 2001): 12.

[38] Griffin, *The Nature of Fascism* (Pinter Publishers Limited, 1991; New York: Routledge, 1996), 11; Robert O. Paxton, *The Anatomy of Fascism* (New York: Vintage Books, 2005), 21.

[39] Griffin, *Nature of Fascism*, 32-39.

[40] *Ibid.*, 37.

[41] *Ibid.*, 38.

[42] Griffin, «Notes towards the definition of fascist culture,» 12, 13.

[43] Griffin, «Revolution from the Right: Fascism,» in *Revolutions and Revolutionary Tradition in the West 1560-1989*, ed. David Parker (New York: Routledge, 1999).

[44] Griffin, *Nature of Fascism*, 48.

[45] *Ibid.*, 47.

[46] Griffin, «The 'Post-Fascism' of the Alleanza nazionale: A case-study in Ideological Morphology,» *Journal of Political Ideologies* 1, no. 2 (1996): 123-146.

[47] Griffin, *Nature of Fascism*, 121.

[48] *Ibid.*, 123.

[49] Griffin, *Nature of Fascism*, 166-74; Griffin, «Europe for the Europeans: Fascist Myths of The European New Order 1922-1992,» *Humanities Research Centre Occasional Paper*, no. 1, 1994.

[50] Griffin, *Nature of Fascism*, 208-11.

[51] *Ibid.*, 220.

[52] См. эссе Гриффина «Фашизм» в *Encyclopedia of Fundamentalism*, ed. Brenda Brasher (Massachusetts: Berkshire Reference Works, 2001); *The Encyclopedia of Religion and Nature*, ed. Bron Taylor and Jeffrey Kaplan (Continuum International Publishers, 2003); а также *The Encyclopedia of Religion and Politics*, draft 11 February 2000.

[53] George Mosse, quoted in Griffin, «Notes towards the definition of fascist culture.»

[54] Griffin, «Fascism,» *Encyclopedia of Fundamentalism*.

[55] *Ibid.*

[56] Nikki Keddie, «The New Religious Politics and Women Worldwide: A Comparative Study,» *Journal of Women's History* 10, no. 4 (Winter 1999): 11-34.

[57] «Nation State - Out of Date?», *Third Way*, no. 8 (25 July 1991), 3.

[58] Griffin, «Introduction,» in *International Fascism*, 4.

[59] Griffin, «Notes towards the definition of fascist culture.»

[60] Dave Renton, *Fascism: Theory and Practice* (London: Pluto Press, 1999), 24; Mark Neocleous, *Fascism, Concepts in Social Thought Series* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997), 38.

[61] В черновом варианте эссе это определение имело другую концовку, а именно «...бросающая вызов политической власти капиталистов, но одновременно защищающая классовую эксплуатацию». Приношу благодарность Дону Хамерквисту, заметившему, что такая формулировка противоречит методологической эмпатии, поскольку многие неофашисты игнорируют

или отвергают классовую эксплуатацию, хотя и превозносят иерархию, власть и дисциплину.

[62] Chip Berlet and Matthew N. Lyons, *Right-Wing Populism in America* (New York: Guilford, 2000); Margaret Canovan, *Populism* (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1981).

[63] Сведения о движении «Патриот» и христианской правой основаны на Berlet and Lyons, *Right-Wing Populism in America, chapters 11, 12, and 14.*

[64] См. Martin A. Lee, *The Beast Reawakens* (Boston: Little Brown and Company, 1997); Jerome Jamin, «The Extreme Right in Europe: Fascist or Mainstream?» *The Public Eye* 19, no. 1 (Spring 2005), http://www.publiceye.org/magazine/v19n1/jamin_extreme.html; Luciano Cheles, Ronnie Ferguson, and Michalina Vaughan, eds., *Neo-Fascism in Europe* (New York: Longman Publishing, 1991).

[65] См. Joel Beinin and Joe Stork, eds., *Political Islam: Essays from Middle East Report* (Berkeley: University of California Press, 1997); Said Amir Arjomand, «Iran's Islamic Revolution in Comparative Perspective,» *World Politics* 38, no. 3 (April 1986): 383-414; Abdel Azim Ramadan, «Fundamentalist Influence in Egypt: The Strategies of the Muslim Brotherhood and the Takfir Groups,» in *Fundamentalisms and the State: Remaking Polities, Economies, and Militance*, ed. Martin E. Marty and R. Scott Appleby, *The Fundamentalism Project, Volume 3* (Chicago: University of Chicago Press, 1993), 152-83; Ahmed Rashid, *Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 2001); Amal Saad-Ghorayeb, *Hizbu'llah: Politics and Religion* (London: Pluto Press, 2002); Nikki R. Keddie and Farah Monian, «Militancy and Religion in Contemporary Iran,» in *Fundamentalisms and the State*, ed. Marty and Appleby, 511-38.

[66] См. Matthew Lyons, «Defending my enemy's enemy,» *Three Way Fight blog*, 3 August 2006, <http://threewayfight.blogspot.com/2006/08/defending-my-enemys-enemy.html>; и Lyons, «Further thoughts on Hezbollah,» *Three Way Fight*, 26 August 2006, <http://threewayfight.blogspot.com/2006/08/further-thoughts-on-hezbollah.html>.

[67] См. Arun R. Swamy, «Hindu Nationalism -- What's Religion Got to Do With It?,» *Occasional Papers Series, Asian-Pacific Center for Security Studies*, 2003); Christophe Jaffrelot, *The Hindu Nationalist Movement and Indian Politics, 1925 to the 1990s* (New Delhi, India: Penguin Books India, 1999); Thomas Blom Hansen, *The Saffron Wave:*

Democracy and Hindu Nationalism in Modern India (New Delhi, India: Oxford University Press, 1999); Vijay Prashad, Namaste Sharon: *Hindutva and Sharonism Under US Hegemony, Signpost Series* (New Delhi, India: LeftWord Books, 2003).

[68] Martin A. Lee, «The Fascist Response to Globalization,» *Los Angeles Times*, 28 November 1999. Аналогичную дискуссию см. Roberto Lovato, «Far From Fringe: Minutemen Mobilizes Whites Left Behind by Globalization,» *The Public Eye* 19, no. 3 (Winter 2005), http://www.publiceye.org/magazine/v19n3/lovato_fringe.html.

[69] «PART's Perspective on the Militias,» *Turning The Tide* 8, no. 2 (Summer 1995).

[70] Radhika Desai, «Forward March of Hindutva Halted?» *New Left Review* 30 (November-December 2004): 61. О двойственном отношении индуистского национализма к глобализации см. Jaffrelot, *Hindu Nationalist Movement*, 432, 492-93; Hansen, *Saffron Wave*, 171-72.

[71] Maria Mies, *Patriarchy and Accumulation on a World Scale: Women in the International Division of Labour* (London: Zed, 1986), 118. Регина Кокрайн критиковала Миес за «склонность к популистскому и материалистскому феминизму, антимодернизму, абсолютизации материнства и романтизации бедности. Мне же приведенная мысль Миес о домашнем хозяйстве кажется вполне здравой и помогающей критически осмыслить гендерную динамику капиталистической глобализации. (См. Cochrane, «They Aren't Really Poor»: *Ecofeminism, Global Justice, and «Culturally-Perceived Poverty,*» Center for Global Justice, 2006, <http://www.globaljusticecenter.org/papers2006/cochraneENG.htm>.)

Опубликовано в журнале «*Socialism and democracy*», volume 22, No. 2
<http://sdonline.org/47/two-ways-of-looking-at-fascism/>

Что такое фашизм?

Особенности идеологии

Я скептически отношусь к попыткам изобрести «определение» фашизма. Фашизм – динамично развивавшееся историческое течение, он принимал разнообразные формы и формировался в известном смысле драматически. Чтобы понять фашизм как движение и как политическую систему, следует взглянуть на его исторический контекст и развитие, т.е. на форму контрреволюционной политики, впервые возникшей в начале XX века в ответ на резкий социальный подъем, удручающие итоги Первой мировой войны и большевистскую революцию. Нижеследующий текст представляет собой набросок, открытый для дальнейших изменений.

Фашизм является формой крайне правой идеологии, которая превозносит нацию или расу как органическое сообщество, первичное по отношению ко всем остальным. Фашизм основывается на мифе о национальном или расовом возрождении после периода упадка или разрушения, и потому взывает к «духовной революции» против морального вырождения (признаки которого – индивидуализм и материализм) и требует очистить органическую общность от «чуждых», угрожающих ей сил и групп. Фашизм превозносит мужественность, молодость, мистическое единение и воскрешающую мощь насилия. Часто, хотя и не всегда, он выдвигает доктрины расового превосходства, призывает к этническим репрессиям, империалистической экспансии и геноциду. В то же время фашизм может принимать форму интернационализма, основанную как на расовой, так и на идеологической солидарности поверх национальных барьеров. Обычно фашизм открыто отстаивает мужское господство, хотя иногда выступает также и за женскую солидарность и новые возможности для женщин привилегированной нации или расы.

Фашистский подход к политике является одновременно и популистским – стремление активизировать «народ» как единое целое против угнетателей или врагов, и элитистским – представление о том, что воля народа воплощена в отдельной группе, или, зачастую, в одном верховном лидере, чья власть распространяется сверху вниз. Фашизм стремится к формированию кадрового массового движения для захвата государственной власти. Он стремится к силовому подчинению всех сфер жизни идеологическому представлению об органической общности, обычно посредством создания тоталитарного государства. И в качестве движения, и в качестве политического режима фашизм использует массовые организации как систему интеграции и контроля, а организованное насилие – для подавления оппозиции (хотя степень такого насилия может быть разной).

Фашизм враждебен марксизму, либерализму и консерватизму, однако перенимает идеи и практику у всех трех политических направлений. Фашизм отвергает принципы классовой борьбы и рабочего интернационализма как угрожающие национальному или расовому единству, хотя часто эксплуатирует реальное недовольство капиталистами и помещиками и ищет этнического «козла отпущения» или изобретает радикальные теории заговора. Фашизм отвергает либеральные доктрины прав и автономии личности, политический плюрализм и представительную демократию, однако ратует за широкое участие масс в политике и может использовать парламентские каналы для прихода к власти. Фашистское видение «нового порядка» конфликтует с консервативной приверженностью традиционным институтам и иерархиям, хотя фашизм часто романтизирует прошлое (вдохновляющий фактор для национального возрождения).

Взаимоотношения фашизма с правящими элитами и нефашистскими правыми силами комплексны: фашизм не является марионеткой правящего класса, это всегда автономное движение со своей собственной социальной базой. На практике фашизм защищает капитализм от нестабильности и левых, но его собственная повестка иногда значительно противоречит интересам капитализма. Сотрудничество, конкуренция и взаимодействие фашизма с другими правыми силами могут порождать разнобразные движения и режимы смешанного типа.

